Немногим ранее, Ин’Данаар.

Аргнак отбыл несколько дней назад, и Лейзими смогла плотно заняться развитием своего магического дара. И пусть у них с Фетисой запланировано ещё много исследований и расчётов, времени до следующей встречи было много. А потому они составили расписание, чтобы не пустить корни в лаборатории. Светлячок, подчиняясь её движениям, летал по кругу, делясь своим неярким светом. Молодой шаман (нет, уже и маг!) пока так не умел, но он ещё учится. А уж как она учится… Образовавшаяся между подругами связь позволяла лучше разбираться в колдовстве — всё-таки Фетиса была куда опытней в этом деле.

Сердце девушки пропустило удар, светлячок продолжал летать по кругу, но полностью выпал из её внимания. Необъяснимая тревога породила холодную неприятную волну, пробежавшую по телу. Аргнак, что с ним?! Дренейки старались лишний раз не тревожить его, но чувство смертельной опасности, пришедшее по связи, невозможно было игнорировать. Лейзими как будто вернулась в тот день, когда на улицы городка ввалились гигантские туши, круша дубинками всё подряд, затаптывая защитников и сметая всё на своём пути…

— Х-хо, — едва сумела выдохнуть дренейка, казалось, на неё навалилась гора, грозя раздавить и расплющить.

Тяжесть ушла, но взамен пришла нестерпимая обжигающая боль, заставившая сознание на миг померкнуть. На миг? Вскочив, Лейзими осмотрела целое платье на груди. Фантомная боль уменьшилась, и тревога, сквозившая по связи с Фетисой, говорила о том, что всё это ей не почудилось.

— Жив, он жив!

Да, теперь она чувствовала, что Аргнак жив, хоть и пока без сознания. О Свет, что же ей делать?! Как ему помочь?! Размышления её были прерваны появлением Фетисы, что буквально ворвалась в её дом.

— Что ты чувствовала?! — с порога спросила её подруга.

— Это сложно передать словами, но меня как будто хотели раздавить. Нет, не так — мой дух хотели расплющить!

— Значит, мне тоже не показалось. С чем же таким столкнулся Аргнак?

— Не знаю, но там точно был огонь. Такое чувство, что у меня до сих пор не прошёл ожог!

Девушка не поленилась снять одежду, чтобы убедиться в отсутствии повреждения, да и просто занять руки. Беспокойство из-за складывающейся ситуации и отсутствия новостей от Аргнака грозило перерасти в панику. Но не успело. Ощущение потусторонней жути вновь полоснуло по чувствам, грозясь погасить разум.

***

Вскакиваю, готовясь увидеть что угодно. Всё вокруг окутано странным туманом, тускло сияющим множеством цветов. Казалось даже, что ничего, кроме тумана, здесь больше нет. Магия? Нет, по крайней мере, не только она. Но точнее понять не могу. Где я? И что со мной? По ощущениям всё в порядке, ничего не болит, и даже доспех целый. Я же помню, как он

пузырился от нестерпимого жара, разлетаясь жирным пеплом… А ещё я не мог дозваться своих духов. Окружающая обстановка была невероятно странной, но в то же время смутно знакомой, как будто я её уже видел. Неясная тревога не успела оформиться в мысли — я вновь почувствовал страшную, уже знакомую тяжесть.

— Попался, змеёныш! — послышался знакомый торжествующий голос.

Оркрива! Я же ей голову отгрыз! Стараюсь скинуть навалившуюся на плечи незримую гору, которая, тем не менее, не опрокинула меня на землю.

— Ты нарушил запрет! И теперь я могу тебя достать и выкинуть твой дух из тела — слишком много моей крови ты выпил!

Давление усилилось, и я, наконец, увидел шаманку. Изменилась, сука. Она предстала предо мной в другом образе — молодая, полная сил и в новой одежде. Голова крепко сидела на плечах, но глаза не изменились, оставаясь всё теми же, что я запомнил.

— Я не знаю, как тебе удалось пережить мой огонь, но сейчас это уже неважно. Расскажи мне, Аргнак, каково это — чувствовать себя беспомощным? Знать, что близких тебе орков убивают, а ты не можешь сделать ничего, лишь ждать, пока твоя жизнь оборвётся?

Посох в её руке качнулся, направляясь в мою сторону, но ничего не произошло. Или я не почувствовал?

— Что ты хочешь?

— Отомстить за своих. Скоро твой дух отделится от тела, и я займу его место! Разящие Топоры ещё пожалеют, что связались с нами!

— Не мы устроили засаду, — отвечаю ей, но, кажется, тщетно.

Похоже, ей надоел разговор, а может, уже сказала всё, что хотела — так или иначе, давление усилилось. Стискиваю зубы, противостоя напору.

— Какой интересный орчёнок! Но здесь, в месте, куда приходят духи, тебе не помогут ни талант, ни личная сила!

— Пос-смотрим!

Духовные связи с дренейками, что я старался отгородить от творившегося здесь безобразия, прохладными ручейкам наполняли меня своей силой. Фетиса и Лейзими всеми силами старались помочь, пусть и не знали как. Беззвучная борьба усилилась, и я решаю сделать ставку на отчаянный план. Я явно уже бывал тут и откуда-то точно знаю, что здесь и сейчас многое зависит от восприятия, а значит, многое можно и изменить! Ведь и одежда на мне, и дух шаманки не такие, как были при жизни!

Рвусь вперёд, разлетаясь чёрным вихрем! Окутываю шаманку, начиная делиться с ней своими воспоминаниями, планами, чаяниями — всем, что знаю. Растерянность со стороны шаманки сменилась яростью, но моя вихреобразная суть окутывает её дух, стёсывая целые пласты воспоминаний, откидывая их в стороны развеивающимися клочьями тумана. Сейчас у меня нет клыков, но это не мешает мне вгрызаться в саму её суть!

— Тебе не победить! — рычит Оркрива, размахивая шаманским посохом, но я лишь сильнее

настраиваюсь уже на ЕЁ дух.

Нестерпимое жжение охватывает всё мое естество — теперь, когда мы почти слились, я чувствую, как её основа плавит и жжёт мою душу — перетерпеть, не сдаваться!

Восприятие окружающего меркнет, заслонённое чередой образов и чувств, грозящих утопить меня, стереть, искорёжить… Но две путеводные ниточки не дают мне затеряться и забыться, и я, несмотря на боль, цепляюсь за свою жизнь. Свистопляска образов, чувств и воспоминаний сходит на нет, и я вновь приобретаю свою привычную форму. Сейчас, когда боль утихнет, постараюсь прочувствовать ощущения от тела и, наконец, очнуться.

— Кто ты такой? — послышался обманчиво-спокойный голос.

Оборачиваюсь, встречаясь взглядом со старым орком. Гронн! От старика (а он не стал принимать моложавый вид!) разило смертельной опасностью. Что-то было в его глазах и позе такое, что меня продирал озноб.

— Пришёл доделать дела за Оркривой, наарий корм?

Терять мне сейчас нечего, может, разговор его отвлечёт, пока я готовлю атаку. Мои приготовления не остались незамеченными им, а фраза не поколебала спокойствия врага.

— Ты не орк, — тяжело уронил фразу мёртвый шаман.

— Расскажи это моим родителям, которых съел светоносный на дне озера!

А вот теперь его проняло. Маска спокойствия треснула, глаза, казалось, полыхнули светом, гримаса исказила лицо, а через миг моё горло стиснула рука. Бью кулаком, пинаю ногами, повисаю на вытянутой руке, но удары проваливаются в пустоту, а железная хватка каким-то образом мешала мне вновь принять бестелесную форму.

— Повтори, что ты сказал!

— Легко. Моих родителей съела тварь, что лежит на дне озера священной пещеры. И тебя она съест.

— Так мне не показалось, что ты боишься его, — произнёс незнакомец, разжимая руку. — Потом поговорим, а пока возвращайся в тело. Слишком долго ты провёл в этом месте, можешь и не проснуться.

***

Что-то мокрое коснулось лица, заставив инстинктивно отдёрнуться, но это не избавило мои щёки от повторного знакомства с сыростью. Отворачиваю лицо и открываю глаза.

— Фу, Мрак, прекрати! — говорю своему волку, вновь лизнувшего меня в лоб.

Судя по количеству слюны на моём лице, вылизывает он меня уже долго. Жив! Первым делом касаюсь связей с дренейками — всё-таки знатно меня бабка приложила, нужно успокоить своих девушек. В ответ последовала такая волна незамутнённого счастья, что я на время выпал из реальности.

— Ты, наконец, очнулся! — радостно воскликнула Бьюкигра, вскакивая на ноги.

Остальные жёны тоже были вокруг, рядом горел костёр, на котором грелся котелок.

— Сколько я провалялся?

— Почти два часа, — просвещает меня жена, не скрывая радости. — Твои раны затянулись сами по себе, но добудиться тебя мы не могли.

Меня перенесли на шкуры, пока я был без сознания, но так и не раздели. А вот и причина, почему это произошло. Вернее, две причины — в правой были стиснуты седые косы с головой Оркривы, а в левой — её посох. Когда я успел его подобрать?

Хорошо, что в круговерти боя не потерялся и не сломали — сколько лет служил он мне верой и правдой, было бы неприятно лишиться… Гронн! Что за фигня в голову лезет? Какие годы? Какой посох? И тем не менее, знаю каждый покрывающий его узор до последней мелочи. Встаю, рука перехватывает его в привычном месте и опускает на землю. Провожу рукой по таким родным завиткам, отполированным моими прикосновениями. Поднимаю правую руку, вглядываюсь в такие знакомые черты — сколько раз я видел это отражение в воде? Что-то я неважно выгляжу… Сумбур в мыслях усилился, «мои» воспоминания завертелись с удвоенной силой, но отрешаюсь от них, соскальзывая в полутранс. Прислоняю посох к плечу и тянусь рукой к кисету на поясе, где моя любимая трубка.

Гронн, МОЙ кисет с другой стороны! Отшагиваю в сторону, посох, соскользнув с плеча, валится на расстеленные шкуры, и наваждение пропадает. Нет, лишь становится не таким навязчивым! «А нечего тянуть в рот всякую гадость!» — пришла невесёлая мысль. Да, теперь придётся расхлёбывать последствия «поедания запретного». Память услужливо выкинула на поверхность и ещё одну загадку — что за странный дух посетил меня после боя? Ладно, подумаю об этом позже, а сейчас нужно привести в порядок тело и мысли.

Укладываю голову на землю — если бы не подарок дренеек, быть бы мне пеплом, как и моей семье. Жаль, пока не могу проверить, работает ли он ещё. На вид вроде целый, но кто знает, как прошедшая схватка на нём отразилась? Пощадила бы Оркрива орчанок? Вообще, откуда она взялась, и почему Хатгаут проморгал старшую шаманку Кровавых Кулаков? Вопросы, одни вопросы…

— Как себя чувствуешь, Аргнак? — спросила Кайнати.

— Уже гораздо лучше.

Почти не вру — если бы не сумбур в голове, то и дело выдающий замысловатые фортеля из обрывков чужих воспоминаний, было бы вообще замечательно. Осматриваю доспех. Да, такой только на выброс — прожжённая дыра настолько большая, что проще сделать новый, чем закрывать её. Пеплом улетели и ожерелья с трофеями с охоты, но это дело наживное. Главное, сам цел!

— Когда ты убил шаманку, то сам упал, как подкошенный, — произнесла Дувейли. — Правда, потом встал и поднял трофей, — кивнула она на лежащий на земле посох.

— Всё уже позади, — успокаиваю орчанок.

Волчьи всадники пока стоят в отдалении, чтобы не мешать нам общаться. Протягиваю руку, чтобы подхватить свой… Гронн! Не мой это посох! Хотя, сейчас, по праву победы — мой. Но

брать его пока не стоит — как-то сильно он влияет на мои мысли.

— Пока ты приходил в себя, мы собрали дров для погребального костра Оркривы. Но не зажигали, — продолжила Бьюкигра.

— Да… Она была той ещё коварной дрянью, но была она и могучим противником. Неправильно было бы бросить её без погребения.

— А вот и остальные трофеи с неё, — протянула она мне такие знакомые вещи.

Трубка, кисет с травами. Не так давно я составил… Гронн! ОНА смешала концентрированную смесь. Ха, теперь я знаю, как ей удалось провести учителя и так быстро прибежать к нам. Довольно оригинальное решение — спрятаться глубоко под землю. «Как сквозь землю провалился» — вспомнилась присказка. Да, старшая шаманка действительно наступила на горло своей гордости, обрекая отряд на гибель. Неудивительно, что она воспользовалась шансом расправиться с источником всех её бед — со мной. Была в своём праве. Что за мысли? Какое такое право?! Пришли стричь — будьте готовы быть стриженными!

Хороший нож дренейской работы и пара деревянных бутылочек довершали небогатые трофеи — с собой шаманка не брала большой запас, а оружие не носила. Поднимаю её голову и иду к костру, где уже покоится тело. Хмм, клыков на трофеи мне будет мало. Призываю духа жизни — плоть ещё достаточно свежая, чтобы поддаваться его манипуляциям. Я бы даже сказал — почти живая. По крайней мере, в восприятии духа жизни это так. Зашелестев, кожа и мышцы сползают, обнажая кости. Отворачиваюсь от неаппетитного зрелища (хотя это бесполезно — дух жизни и так передаёт мне всё, что происходит) и забираю голый череп — вот теперь можно и отдать Оркриве последний долг. Вздымаю вверх руку, призывая огонька, и разжигаю погребальный костёр. «Дух твой уже не упокоится, но пусть вернётся в круговорот природы тело» — мысленно провожаю испепеляемую шаманку. Ветер взвыл, взметнув вверх тучу праха, и вместе с отлетевшим пеплом чувствую, как меня отпускает неосознанная тревога. Теперь точно всё! Подбираю посох Оркривы, закрепляю его в держателе за спиной.

— Собираемся?

— Аргнак, а как же твой посох?

Мысленно ругнувшись, иду к месту сражения, благо это недалеко. Здесь он попал под землю, но если бы Оркрива не сумела заблокировать призыв духов и изгнать их на родные планы, я бы ещё побарахтался. Он, конечно, сильно помогает, но со стихиями я могу общаться и без него. Сосредотачиваюсь на земле под ногами, неторопливо налаживая контакт с соответствующим духом. Земля дрогнула, расступилась и медленно стала отдавать мою прелесть. Хорошо, что не переломала, карга старая, с неё бы сталось. Тоже хотела его затрофеить?

Наскоро перекусив, бежим к стоянке своего клана. Пусть повторное нападение Кровавых Кулаков маловероятно, но и расслабляться пока не время. Война уже идёт. Наши сопровождающие рассредоточились, хотя особого смысла в этом нет — я контролирую окружающую обстановку духами воздуха. Впрочем, не теряют бдительности, и это хорошо. Со мной же творится что-то странное — то чувствую, как меня переполняют силы, то едва ухитряюсь не упасть на бегу, переставляя тяжеленные ноги. Но, стиснув зубы, бегу дальше, преодолевая минуты слабости.

Через три часа встретили волчий патруль, значит, стоянка уже недалеко. Так и оказалось. Не сказать, что наше возвращение вышло триумфальным, но его определённо заметили. Впрочем, особого ажиотажа оно тоже не вызвало.

— Приветствую, Краренрун, — здороваюсь с подошедшим шаманом. — А где учитель?

— Известно где — рядом с вождём.

— А вождь сейчас возле стоянки Кровавых Кулаков?

— Разумеется. Там сейчас два отряда, по два шамана в каждом. А меня оставили защищать шатры.

Но, судя по голосу, последнее обстоятельство его не расстроило. Видимо, предрасположенность к стихии земли отразилась и на характере. Впрочем, недооценивать его не стоило — когда надо, он мог действовать очень быстро.

— Понятно. Так без нас всю войну и закончат.

— Может быть. Если застанут одного из трёх шаманов вне стойбища.

— Из двух, — поправляю Краренруна.

— Что-то путаешь, Аргнак. Девтазир рассказывал об одном шамане в засаде.

Пожимаю плечами и иду к своим вещам. Девушки пока не стали раскладывать шатёр, разойдясь по родным и знакомым. Достаю трофейный посох, демонстрируя его собеседнику.

— Оркрива! — узнал тот шаманский атрибут. — Когда и кто её успел убить?

Не верит, что я справился? Я бы тоже не сразу поверил в такое. Негромко рассказываю перипетии нашего скоротечного боя, делясь соображением, что слишком рано расслабилась старшая шаманка соседнего клана, посчитав меня мёртвым. Доспеха на мне сейчас не было, но я продемонстрировал его верхнюю часть любопытствующим оркам.

— Тебе повезло, что сумел призвать духов так быстро после изгнания, — заметил Краренрун.

— Несомненно. Меня вот что интересует — как вообще она мою силу блокировала?

— Мало ещё учишься, иначе Хатгаут успел бы тебе рассказать, а потом и научить. Но так и быть, расскажу.

Отвлёкшись, он набил свою трубку и, раскурив, начал меня просвещать.

— Сила шамана возрастает с опытом и возрастом. Но иногда последний приходит один, если ученик не старается.

Удачно пошутив (хотя с его характером понять, что это шутка, удалось с трудом), Краренрун поведал, как влияет сила шамана на других одарённых орков. Получалось, что шаман «силой своего духа» воздействует на шамана, мешая ему дозваться помощников с соответствующих планов бытия, или самого духа, выбрасывая его из мира. Если сила шаманов была сопоставима, то они просто нивелировали способности друг друга. А если происходило столкновение с кем-то более сильным, для противника это обычно заканчивалось смертью. Объяснил Краренрун и повышенную живучесть Оркривы — техника слияния с призванной стихией была одной из самых сложных и опасных, но зато наделяла использующего соответствующей способностью.

***

Утро следующего дня.

Дорфрист сын Гора в сопровождении единственного шамана и ученика сгинувшей Оркривы шёл на переговоры. Разбившие засаду Разящие Топоры весь вчерашний день не стесняясь реализовывали своё преимущество в шаманах, проредив охотничьи партии Кровавых Кулаков. Муж Реррии был очень убедителен, как и она сама. Но теперь вместо получения прибытка и заложников он вынужден идти договариваться на совсем других условиях.

Пустив волков рысью, поднялись на холм, куда должен прибыть Гултадор. Как принимающая сторона, Дорфрист велел поставить шатёр и приготовить угощение. Тяжело спрыгнув на землю, зашёл в просторный шатёр, дожидаясь гостей. Те не заставили себя долго ждать, явившись к оговорённому сроку. Зулмита проводила их к очагу и подала хорошо прожаренное мясо. Гултадор с Хатгаутом молча воздали должное гостеприимству Кровавых Кулаков, но к пиву пока не притронулись.

— Ты пригласил нас сюда, чтобы обсудить размер виры, что выплатит твой клан за нападение на ученика старшего шамана? — задал вопрос вождь Разящих Топоров.

— И это тоже, — дипломатично отозвался Дорфрист.

Отставив в сторону тарелку с недоеденным мясом, уселся поудобней на стопке шкур.

— Я не вижу смысла продолжать войну — пусть вы и сможете выиграть, но наше противостояние слишком ослабит оба клана, и тогда прочие соседи не упустят шанса проверить выживших на прочность. Мы потеряли славных бойцов, но остальной клан так просто вам не подчинится. Предлагаю объявить перемирие и остаться соседями.

— Этого мало. Да и твои шаманы не доставят нам проблем. Молодой ученик нашего старшего шамана сумел справиться с вашей старшей шаманкой. Чего же стоят оставшиеся?

Злость не отразилась на лице вождя. Неизменно спокойным голосом он ответил: — Их сил хватит, чтобы связать ваших шаманов, пусть и ненадолго. А в столкновении честная сталь сильнее.

— Потому я и пришёл требовать справедливую плату, — ответил Гултадор.

— Думаю, убийство засады и части охотников — достойная расплата.

— Это не отменяет виру. Разве можно сделать вид, что ничего не было? Терять уважение клана и соседей я не собираюсь.

— Тогда предлагаю сегодня в полдень решить всё честной схваткой, один на один. Не придётся орчанкам становиться вдовами. Сольём наши кланы в один, а победитель будет в нём править.

Позиция его была довольно шаткой, но это могло предотвратить ненужное уже кровопролитие, и не нужно будет отдавать часть клановых земель другим соседям. Это должны были понимать и Разящие Топоры.

— Хорошо. Сегодня в полдень мы выясним, чьё оружие острее.

Обговорив детали будущей схватки, вожди и сопровождающие разъехались.

***

Новость об окончании войны взбудоражила стойбище. Пока жёны собирали шатёр, отправляюсь к шатру вождя на общий сбор. Новости уже успели разойтись в клане, но услышать всё своими ушами тоже будет не лишним. Вышел Гултадор, внимательно оглядывая собравшихся. Тут были все взрослые орки и шаманы, ведь на охоту пока никто не ходил. Пожалуй, я такого многооркства не видел с момента праздника.

— Как вы уже знаете, война окончена. Наши славные воины могли бы уничтожить Кровавых Кулаков, но я не хочу напрасно проливать орочью кровь. Сегодня всё решит мой поединок с Дорфристом сыном Гора. Победитель будет править всеми. А пока — выдвигаемся навстречу Кровавым Кулакам.

А ведь вождь и впрямь заботится о клане — пусть «по очкам» мы и «вели», но дальнейшее противостояние действительно лишнее. Вернувшись к своему шатру (окружающий шум и гам не мешал клановому переезду), обнаружил, что всё уже собрано.

— Скоро отец будет биться, — произнесла Дувейли.

— Он сильный воин. Он должен победить, — приободряю девушку.

— Надеюсь, — отвечает она.

— Не расстраивайся, — говорит Бьюкигра.

Выдвигаемся к месту поединка — пропускать такое зрелище никто не собирается. Сегодня все наши вещи везут нанятые носильщики — я должен быть с остальными шаманами. Восседаю на Мраке, раскачиваясь в такт его ходу. Наконец выпала возможность повидаться с учителем, но поездка на волке не располагает к беседе, да и времени до поединка осталось не так уж много. Мрак глухо заворчал, почувствовав множество чужих волков — показались порядки Кровавых Кулаков. Остальной их клан тоже был на подходе. Покидаем сёдла и идём вперёд, оставляя волков на месте — поединок скоро начнётся, не стоит их этим провоцировать. А военные силы соседей уменьшились, но всё ещё достаточно велики, чтобы с ними считаться. Останавливаемся, Гултадор в полном доспехе из пластин копытня готовится к схватке. Поправил меч дренейской стали на поясе, но не стал брать его в руки. Вместо этого взял у Дубеута копьё. Дорфрист тоже остановил выбор на подобном, и они начали сходиться.

Ни один из них не рвался вперёд, осторожно переступая ногами. Вокруг опустилась тишина, прерываемая лишь дыханием орков, напряжённо следящих за поединком своих вождей.

Когда между ними осталось меньше орочьего роста, вожди замерли, буравя друг друга взглядами. Резкий выпад Дорфриста был парирован древком, после чего последовала ответная атака, но тот отшатнулся назад и в сторону, уводя лицо с линии удара. Не растерявшись, Гултадор полоснул оружием, как топором, прочертив царапину на доспехе противника. Снова сшибка, треск сталкивающегося оружия, хеканье и негромкий рык. Отскочив друг от друга, вожди вновь бросаются вперёд, ещё одна сшибка! Гултадор умудрился нащупать брешь в обороне противника и наконечником копья пропороть рукав, отворив Дорфристу кровь. Но мы молчим, чтобы ненароком не отвлечь главу клана. Снова мелькают копья, сталкиваясь и отводя друг друга, вот и Гултадору пустили кровь, процарапав щеку. Опасно! Отступив друг от друга, начинают медленно идти по кругу, примеряясь. Сойдясь, вновь обмениваются ударами, но внезапно вспыхивают пламенем! Огонь охватывает обоих вождей, скрывая их из вида!

— Они призвали духов! Убить нарушителей обычая! — раздался усиленный стихией голос Байгрома — ученика Оркривы и младшего сына Дорфриста.

Огнешары летят в нашу сторону, остальные воины Кровавых Кулаков потянулись за оружием, но оставшийся шаман не поддерживает атаку ученика старшей шаманки. Хатгаут вздевает посох над головой, прерывая атаку, я и остальные наши шаманы готовимся обрушить стихии на врагов.

— СТОЙТЕ! Не верьте предателю!

Крик, раздавшийся в рядах Кровавых Кулаков, отрезвил лучше нависших над головами огненных шаров, ведь он принадлежал ИХ шаману.

— Я почувствовал — это Байгром призвал стихию! — добавил Багнар.

Сделанное им не укладывалось в голове — разве можно было ТАК поступить? Соплеменники, сперва отхлынувшие от него, как от гронна, двинулись обратно, готовясь разорвать голыми руками. Но замершего Байгрома окружила огненная стена. А замер-то он не от страха — его прижали так же, как меня в своё время Оркрива!

— Так просто он не умрёт, — произнёс Хатгаут. — Мы придумаем достойную кару преступнику.

— Что ты наделал, брат?! — спросил его Гарлирун, сын вождя Кровавых Кулаков.

— Это вы что наделали?! Почему вы не напали на Разящих Топоров? Ещё немного, и их бы растерзали собственные бойцы! Ты стал бы вождём, а я — старшим шаманом!

Что, во имя духов, он несёт? Мало того, что опозорил свой клан, так ещё и всю семью подставил! Он что, сумасшедший? Чего ему не хватало? Сын вождя, ученик старшей шаманки — со временем он занял бы место у вершины клана! Нет, не пойму, что за мотивы побудили его так поступить…

***

Некоторое время спустя, Гарлирун.

Байгрома, связав, уже увели, но народ ещё не успел разойтись. Гарлирун выступил вперёд. Немыслимый поступок младшего брата не оставлял ему выбора. Убей вожди друг друга в схватке, следующими за власть боролись бы уже он и Дубеут. Но кто пойдёт за тем, чей брат ТАК нарушил священный обычай маг’гара? И как отнесутся к семье, породившей настолько подлое ничтожество?

Остаётся лишь один вариант того, как можно спасти его семью от позора и изгнания.

Верный нож удобно скользнул в ладонь, после чего орк подцепил лезвием ремешки ожерелий с когтями и клыками добытых им зверей. Отведя лезвие в сторону, перерезал их, и те с шелестом и перестуком упали на землю. Перехватив нож зубами, Гарлирун скинул верхнюю часть доспеха — сейчас он будет только мешать. Перетянул ремнём руку чуть пониже плечевого сустава, чтобы не истечь раньше времени кровью. Оглянулся назад, запоминая лица родственников. Короткий перегляд с женой — теперь он готов. Подняв перетянутую руку перед собой, отводит правую ещё выше, примеряясь к запястью.

Вся суета и движение вокруг замерли, пожираемый сотнями глаз орк со свистом наносит удар. Верный нож не подвёл, не застрял в кости. Следом за ударом пришла обжигающая боль, что и

не думала утихать, пульсируя в такт биению сердца. Крепко стиснутые зубы хрустнули, но он не позволит ни одному звуку сорваться со своих губ. Новый удар, в этот раз нож углубился только наполовину. Вспышка боли заставила померкнуть разум, но на смену ей пришла ярость. Ярость, что превосходила боль, позволяла игнорировать раны и довести дело до конца! Раз за разом верный нож отделял куски плоти, и новая боль была сейчас для него НИЧЕМ. Всё сделано как надо. Теперь ему остаётся только стоять, пока хватит сил — уж с этим он справится. И его семья будет очищена от поступка предателя!

— Брат! — тихо произнесла приблизившаяся Натирук.

Обтерев нож о штанину, протянул его сестре.

— Отдашь моему сыну, когда подрастёт.

— Хорошо…

Прижав к груди оружие, уходит прочь, скорбь на её лице перемежается с гордостью за него. Обжигающая волна ярости схлынула, боль вернулась с новой силой. Накатила слабость, но Гарлирун преодолел её. Подняв лицо навстречу жаркому солнцу, воин стал следить за кружащими в вышине кровавыми ястребами…

***

С уважением смотрю на вчерашнего врага. Поступок Гарлируна смыл позор с его семьи и клана. Мог бы он отказаться от такого? И да, и нет. Даже сохрани он себе жизнь, от изгнания бы его это не спасло, как и его ближайших родственников. А изгнание куда хуже смерти. Вот только, чувствую, его БЫВШИЙ брат этим не отделается. Сейчас Байгром без сознания под присмотром Галилука, нашего лучшего целителя. Впрочем, тот следит не столько за его здоровьем, сколько за тем, чтобы его не разорвали прочие орки.

— Приходи в шатёр, разговор серьёзный есть, — произнёс Хатгаут, когда я проходил мимо него.

— Сейчас, учитель.

Останавливаюсь, дожидаясь наставника, а тот в это время негромко переговаривается с бывшим шаманом Кровавых Кулаков. Хоть мы и захватили чужой клан, магический потенциал вырос у нас незначительно. Трофеев также получилось немного — их получат только те, кто воевал, ведь скоро наши кланы сольются в один, и незачем грабить своих соклановцев.

— Идём, — позвал меня учитель, направляясь к своему шатру.

Следую за ним, успокаивая мысли. Всё, что сегодня произошло, от меня не уйдёт, так подумаю об этом позже. Вот и такой знакомый шатёр, при нашем подходе из него выскользнула незнакомая орчанка в одежде Кровавых Кулаков и, поклонившись, поспешила скрыться между других шатров.

— Ну рассказывай, как ты исправил мою ошибку, — произнёс Хатгаут, набивая трубку и присаживаясь возле очага.

Это он о пропущенной им Оркриве? В голове выстроился план, что сказать, а о чём умолчать.

Не знаю, как на это отреагирует учитель, но слова незнакомого мёртвого шамана о том, что я не орк, взывают к осторожности. С другой стороны, почему мне не довериться Хатгауту? Ладно, начнём, а там видно будет.

— Мои атаки старшая шаманка игнорировала, множество огненных шаров так и не достигли цели. Бой я проиграл — каким-то образом она заблокировала связь с моими призывами, и изгнала их на родные планы. После чего она ударила своим огнём.

Поморщившись, трогаю грудь — как вспомню, так жжётся.

— Но мне помог подарок дренеев, — активирую браслет.

Хатгаут всё так же невозмутимо смотрит на появившееся защитное марево — кажется, его ничто пронять не может.

— Но этого оказалось недостаточно, и доспех она мне до рёбер прожгла.

— То-то я смотрю, ты в летней одежде.

— Она отвлеклась на оставшихся, а я её ножом в голову и угостил. Правда, её это не убило.

— И не могло. С духом жизни она слилась, раз вы от неё сбежать не могли.

— После я отгрыз ей голову, а после победы провалялся часа два. Скажи учитель, чем она меня так приложила?

— Ты про призывы или обморок?

— Последнее. Про первое Краренрун мне уже немного рассказал.

— Последнее, значит. Повезло тебе, Аргнак, что ты вкусил мало её крови. Иначе быть тебе мёртвым.

Холодок пробежал по спине, и задаю ожидаемый вопрос: — Почему?

— С детства орки пьют кровь, сперва с молоком матери, а после на охотах. Кроме того, едят сердца. Всё это делает сильнее. Но если съесть плоть не зверя, но разумного существа — его дух может прийти, чтобы отомстить. А теперь скажи, Аргнак, принял ли тебя её посох?

— Не знаю, не призывал ещё с помощью него духов.

— И не пробуй пока. Опасно это!

— Потому что могут явиться те, кто сильнее меня?

— Ты всегда был смышлёным учеником. Попробуем это сделать потом вместе — если что, я прикрою тебя от гнева стихий.

http://tl.rulate.ru/book/16932/340995